

Михаил АЛЕКСАНДР

КОРДОН

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Михаил Аркадьевич Александр Кордон. Повесть и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541130

ISBN 9785449673299

Аннотация

Перед вами дебют автора в жанре художественной прозы. В книге собраны три яркие, драматические истории, которые никого не оставят равнодушным. «Кордон» – повесть о бывшем альпинисте, который возвращается в горы, чтобы спасти терпящую бедствие группу. Герои «Контактов» решают проблему выбора жизненного пути и на каждом шагу сталкиваются с последствиями принятых решений. «Завтрак в аэропорту» – фантастический рассказ о человеке, стремящемся преодолеть страх перелётов и найти своё счастье.

Содержание

Кордон	5
1	5
2	10
3	15
4	20
5	25
6	29
7	34
8	40
9	44
10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кордон
Повесть и рассказы

Михаил Аркадьевич
Александр

© Михаил Аркадьевич Александр, 2019

ISBN 978-5-4496-7329-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кордон

1

Дом стоит у самой границы леса. В этом месте горная тропа делает последний небольшой поворот перед выходом на каменистый подъём. Непосредственно возле дома деревья – в основном это берёзы и лиственницы – ещё стоят в полный рост, но чуть дальше уже изгибаются и искривляются, понижаясь, а после и вовсе стелются по камням, чернея и зеленея на склоне отдельными, редкими с высотой островками. У небольшого деревянного щита путешественник может ещё раз свериться с картой, узнать свою высоту – тысяча пятьсот шестьдесят метров над уровнем моря – и изучить преискурант услуг гостевого дома.

В доме есть всё, что обычно требуется туристу в этой местности: ночлег, еда, сауна, интернет, телефон, аптечка. Я по себе знаю, что даже после одного дня в горах люди набрасываются на блага цивилизации с удвоенным аппетитом. Что ж, я сделал немало, чтобы утолить их жажду. В доме есть гостиная с камином, возле которого всегда можно согреться. С ней соединяются три небольшие спальни с двумя двухъярусными деревянными кроватями в каждой. Есть душ, в котором, благодаря электрическому котлу, круглый

год имеется горячая вода. Есть просторная кухня с несколькими столами, где может разместиться даже довольно большая компания. Летом, в разгар сезона, дом обычно полон людей, а зелёная поляна перед ним сплошь заставлена палатками. От поляны вниз помимо тропы ведёт проезжая грунтовая дорога. По ней мне привозят из посёлка еду и другие необходимые вещи. Я всегда стараюсь иметь запас: летом продукты исчезают весьма быстро, а зимой дорога бывает по нескольку дней закрыта из-за снега, и мне совершенно не хочется прибавлять к тягостному ощущению одиночества ещё и чувство голода. Наконец, Степаныч, главная надежда посёлка в любую стихию, прорывается ко мне на своём модном жёлтом тракторке и не без некоторой торжественности вручает пакеты со свежим хлебом, молоком и овощами.

Сезон длится с начала мая до конца сентября. Обычно первые туристы появляются уже во второй половине апреля. В горах ещё всюду лежит снег, но день достаточно длинный, а погода часто бывает солнечной и тёплой. Вершина, как говорят путешественники, теперь открывается в середине мая (в мои годы климат был несколько холоднее, так что снег мог спокойно лежать до июня). Всё лето мимо меня в обоих направлениях снуют пёстрые туристические группы и одиночные туристы из разных городов и стран. В июле и августе, когда поток достигает максимума, ребята из посёлка частенько помогают мне по хозяйству, а я даю им возможность подзаработать. В сентябре погода ещё обычно благо-

приятная, но человеческий ручеёк начинает пересыхать. Поскольку ночи становятся значительно холоднее, гости чаще ночуют в доме, а не на поляне, и все комнаты, как правило, ещё бывают заняты. Снег на вершине традиционно выпадает в середине октября, а к концу октября под белое покрывало прячется всё верхнее плато. Потом, подобно молочной пене, выливающейся из кипящей кастрюли, это покрывало стекает вниз. Иногда я отчётливо вижу, как снеговая граница день за днём приближается ко мне, пока, наконец, не накрывает и моё жилище.

До посёлка вниз по грунтовке около восьми километров. Там цивилизация: несколько магазинов и кафе, фельдшерский пункт, клуб, школа, автобусная станция, три или четыре отеля, есть даже маленький краеведческий музей, расположенный в нескольких комнатах одного частного дома. Впрочем, и те, кто на день или два задерживается в посёлке, всё равно предпочитают перед восхождением ночевать у меня. Причина проста: даже в июне светлого времени едва хватает, чтобы сходить на вершину одним днём. Лишние километры, хотя бы и пройденные на машине, всё равно отнимают драгоценные минуты. Проще и безопаснее начинать маршрут непосредственно от дверей моего дома, или, как его называют туристы, кордона. Название, впрочем, неточное – я никакой не егерь, заповедника тут нет, а дом принадлежит мне.

Пробраться на машине выше никак невозможно, проез-

жая дорога заканчивается у ворот моего гаража. Дальнейший путь наверх начинается с утомительного каменистого подъёма с перепадом высот около семисот метров. Тропа вьётся по склону мелким серпантинном с частыми и крутыми поворотами. В хорошую погоду этот отрезок проходит за два-три часа. Затем сине-красная маркировка выводит на наклонное плато, которое постепенно повышается к вершине. Здесь дорога очень живописна, поскольку петляет среди многочисленных скальных останцов, напоминающих гигантских чудовищ. У входа на плато есть небольшая поляна, где на обратном пути могут остановиться те, кто не успел спуститься до темноты. Впрочем, воды там нигде нет, исключая разве что случайные ручейки, появляющиеся в период таяния снега и всегда исчезающие к концу июня. С этой безводной стоянки в ясную погоду уже открывается вид на вершину. Дорога по плоскогорью занимает обычно ещё приблизительно два часа, в течение которых путешественник набирает около трёхсот метров высоты. Наконец, плато заканчивается (здесь есть ещё одна небольшая, тоже безводная стоянка) и переходит в последний, самый трудный взлёт к вершине. Этот заключительный участок, как и предыдущие, не требует альпинистского мастерства, но однозначно требует известной выносливости и осторожности. Крупная каменистая осыпь норовит то и дело разлететься под ногами, а высота уже достаточна для появления первых признаков гипоксии. Это, конечно, ещё не горная болезнь в её суро-

вом высокогорном обличье, но всё же осязаемая трудность, осложняющая и без того крутой подъём. В разгар сезона сильные группы, выходящие на маршрут перед самым рассветом, обычно добираются до вершины примерно к двенадцати дня. Здесь, на высоте трёх тысяч трёхсот метров над уровнем моря у них есть один-два часа времени на отдых, обед и фотосъёмку, после чего они должны двинуться обратно, чтобы успеть преодолеть последний спуск до наступления темноты. Те, кто послабее либо вышел позже, вынуждены довольствоваться только короткой передышкой.

К сентябрю световой день, естественно, сокращается, и на весь маршрут светлого времени уже не хватает. Путешественники решают эту проблему по-разному. Некоторые стараются выйти ещё затемно, чтобы преодолеть первый подъём при свете фонариков. Другие изначально планируют двухдневный маршрут, делая промежуточную остановку на плато. В этом случае они, разумеется, берут с собой запас воды и снаряжение для ночёвки.

В дверь постучали тринадцатого октября около восьми вечера. В этом году холода начались сравнительно рано, даже рядом с домом уже пару раз выпадал снег, правда, потом он таял. Сказать честно, я успел подумать, что сезон закрыт раньше обычного: последняя группа отбыла вниз за неделю до того, и в течение всех этих дней никто больше не появлялся, только Степаныч привёз несколько мешков с крупами и консервами, а также традиционный хлеб и молоко. Прогноз погоды по посёлку был скверный: небольшой плюс, почти каждый день дождь и сильный ветер. Предыдущая группа сообщила, что на вершине и последнем подъёме уже несколько сантиметров снега, наледь. На плато, где они ночевали на обратном пути, снега ещё не было, но им пришлось несладко из-за густой облачности и опять же сильного ветра. Спустившись, ребята ещё целый день отогревались в сауне и у камина и только потом двинулись в обратный путь.

Итак, в дверь постучали вечером тринадцатого октября. В тот день страшно ныла нога, я уже думал, не позвонить ли фельдшеру, а то и не закрыть ли дом и не съездить ли вниз на осмотр, пока дорогу ещё не замело. Но предчувствие, что сегодня может появиться кто-то ещё, не покидало меня, и я остался. Пришли они, очевидно, пешком по тропе, поскольку машины я не слышал. Шумно ввалились в прихожую чет-

веро молодых и красивых в своих нарядных разноцветных комбинезонах, смеясь и стряхивая перед порогом прилипшие к горным ботинкам сухие листья. Старый деревянный дом словно ожил, наполняясь исходящим от них живым теплом и светом.

– Добрый вечер, Николай Михалыч, – обратился ко мне мужчина в сине-оранжевом костюме, который, как я быстро понял, был у них за главного. – Меня зовут Марк, – он протянул для приветствия крепкую руку, с которой уже успел стащить перчатку. Рука была тёплой.

– Добрый вечер. Вы уже знаете, как меня зовут? Мы виделись раньше?

– Мы у вас впервые, но много о вас наслышаны. Вы ведь живая легенда этой горы.

Пока они снимали рюкзаки, я с грустью подумал, что живой легендой обычно называют того, кто по всем расчётам уже должен был умереть, но отчего-то ещё жив. А ведь мне всего сорок три года.

– Ну, что ж, заходите.

– Мои спутники и друзья, – Марк сделал широкий жест, – Ксения, Павел, Елизавета.

Они поздоровались.

– Очень приятно. Здесь, – я указал на сушильный шкаф, – можно оставить одежду.

Их отношения легко читались. По тому, как Марк помогал Ксении снять её ярко-красную куртку, как Павел обни-

мал за плечи Елизавету, было легко предположить, что передо мной две сложившиеся пары. Годы наблюдений за бесконечной людской рекой, текущей мимо моего дома и через него, сделали меня чутким наблюдателем человеческих отношений и эмоций, способным различать куда более тонкие оттенки. Часто я видел, как сильно менялись отношения между людьми за время восхождения, хотя оно в большинстве случаев и занимало всего один день. Иногда они уходили едва знакомыми, а спускались, держась за руки и с блаженной улыбкой на губах. Иногда ровно наоборот.

– Вы будете ужинать? – спросил я, когда они избавились от обуви и верхней одежды.

– Да, но мы не хотели бы... – учтиво начал Марк, так что мне пришлось перебить его.

– Меня беспокоить? – я улыбнулся. – Вы думаете, что у меня тут так много дел в эту пору или что я настолько немощен?

Марк улыбнулся в ответ, его улыбке мог бы позавидовать иной голливудский актёр. Я продолжал:

– Подкиньте дров в камин и развлеките ваших спутниц, пока они не заскучали.

Через полчаса ужин был готов: салат из овощей и консервированной рыбы, отварной рис и тушёнка, свежий хлеб и мой любимый горячий чай с мёдом, лимоном и облепихой. Пока я готовил, они разглядывали фотографии, развешанные по стенам гостиной. Потом мы сидели на кухне за од-

ним из деревянных столов, через открытую дверь было видно, как ярко пылают дрова в камине. Наконец, я мог лучше разглядеть моих поздних гостей. Да, действительно, все четверо, каждый по-своему, были очень красивы.

– Предполагаю, что от вина вы откажетесь? – спросил я.

– Может быть, на обратном пути, – Марк по-прежнему отвечал за всех.

– Понимаю. Но как иначе мне разговорить вас? Почему ваши друзья всё время молчат?

– Я не верю, что сижу с вами за одним столом, – сказала Елизавета, девушка с заплетёнными в косу светлыми волосами, показавшаяся мне чуть моложе остальных.

– Это почему же? – я в самом деле удивился.

– Мы столько читали о вас в отчётах, – объяснила она. – А теперь увидели. Это как встретиться с героем любимой книги.

Мне опять стало смешно.

– Увидеть меня, Елизавета, не так трудно. Всего восемь километров от автобусной остановки... Тут даже на машине можно доехать.

– Зовите меня просто Лиза. Иначе слишком длинно.

– Хорошо, Лиза. Будете чай? – я протянул руку к чайнику.

– Да, пожалуйста.

– Сейчас, сейчас налью всем, – всполошился Павел и первым схватил чайник, едва не опрокинув его. Мне показалось, что мысли этого рослого и явно физически крепкого моло-

дого человека витают где-то далеко отсюда. Впрочем, с тем, чтобы налить нам чай, он всё же справился.

– Ну, что ж, за встречу, – я поднял свою кружку.

– За встречу, – согласился Марк.

Пока мы ужинали, я честно описал им все трудности предстоящего восхождения.

– Последняя информация о вершине от четвёртого октября. Говорят, что на гребне снег и наледь. На плато снега ещё не было. Но с тех пор стоит ненастная и холодная погода. Дважды снег выпадал здесь, но потом таял. Держится небольшой плюс.

Марк, который казался постарше из-за коротко стриженной тёмной бороды и усов, не выглядел встревоженным.

– Не переживайте, мне всегда везёт, – сказал он.

Ответ мне не понравился.

– Я не переживаю, я же не знаю вашей подготовки. Может, вы ходили в одиночку на Эверест без кислорода.

– На Эверест не ходили, – опять улыбнулся Марк. – Но бывали и повыше, чем тут у вас.

– Понимаю, – продолжал я очень спокойно. – Я не пытаюсь вас напугать. Просто информирую. В летние месяцы подъём на эту вершину – несложная прогулка. Но теперь похолодало раньше обычного. Некоторые группы в октябре ещё экипируются по-летнему, надеются, что повезёт с погодой.

– У нас нормальная экипировка, – сказала вдруг Ксения. Кажется, это был первый раз, не считая приветствия, когда

она со мной заговорила. В её голосе чувствовалось раздражение.

Я внимательно посмотрел на неё. Тёмные, почти чёрные глаза, густые ресницы. Длинные каштановые волосы собраны в тугий хвост. Правильные черты лица. Чуть подкрашенные губы поджаты. Да, она была очень красива – той редкой красотой, которая с первых минут приковывает к себе взгляд.

– Я не спору. Какой у вас план?

– Мы планируем сходить одним днём, – сказал Марк. – Но, – добавил он прежде, чем я успел ему возразить, – конечно, понимаем, что может не получиться.

– Да почему должно не получиться, – всё так же раздражённо проговорила Ксения, и я с облегчением понял, что не был причиной её недовольства. Очевидно, спор у них начался задолго до того, как они переступили порог моего дома.

– Мы взяли палатки, – как ни в чём не бывало продолжил Марк, – взяли запас еды на два дня. Возьмём воду. Наполним у вас бутылки.

– Пожалуйста, – я указал на кран.

Вода поступала из скважины и была пригодна для питья.

– Спасибо. Если понадобится, можем и на три дня растянуть.

– Три дня? – Ксения уставилась на Марка и перестала жевать. – Ты издеваешься?

Мне стало не по себе от её тона.

– Ксюша, я же говорю, это крайний случай.

Она ничего не ответила. Я опять обвёл глазами всех четверых. Ксения уставилась в тарелку. Павел по-прежнему не замечал нас. Он исследовал пространство, наш разговор мало интересовал его. Лиза временами смотрела на Павла, надеясь, очевидно, перехватить его взгляд, – но безуспешно. Всё выглядело так, будто эти четверо случайно собрались за одним столом. Мне хотелось как-то разрядить обстановку.

– Могу я спросить, почему вы выбрали для поездки такое позднее время?

– Отпуска не совпадали, – ответил опять Марк.

Ксения снова перестала жевать, подняла голову и вроде бы хотела что-то возразить, но потом передумала. На ней была ярко-жёлтая флисовая кофта на молнии, которая эффектно подчёркивала черты лица и, по-видимому, соответствовала горячему темпераменту. Сидящая рядом Лиза была облачена в похожую кофту бирюзового цвета и казалась, напротив, полюсом холода. Серо-голубые глаза и светлая кожа усиливали это ощущение.

– У вас есть связь? – я имел в виду рацию или спутниковый телефон, поскольку сотовая связь даже в районе моего дома не работала, вышка была только в посёлке.

– Связь? – Ксения посмотрела на меня с явным недоумением, будто я спросил что-то неприличное. – Вы что, все сговорились? Послушайте, тут же и трёх с половиной тысяч нет.

О чём вообще речь? Мы просто ходим туда и обратно, вечером вернёмся.

Я не знал, как себя вести.

– Ксения, – я старался говорить без вызова, тщательно подбирая слова, – я не сомневаюсь в ваших возможностях. Это обычные вопросы, которые я задаю всем группам, выходящим на маршрут. И, прошу простить мою навязчивость, я знаю, что рекорд восхождения на эту вершину составляет девять с половиной часов в оба конца. Летом, в ясную погоду и, разумеется, без всякого снега. А световой день, если учитывать и неглубокие сумерки, в которых ещё комфортно идти, сейчас длится всего-то чуть больше десяти часов.

– Девять с половиной часов? – казалось, мне, наконец, удалось поколебать её уверенность.

– Да, именно так. И это спортивное восхождение на скорость. Я засекал по этим часам, – я повернул к ней запястье и показал часы, словно это что-то доказывало. – Ручаюсь, что за последние тринадцать лет это наилучший результат.

Ксения вновь промолчала.

– Лучшие места для ночёвки, если она вам потребуется, – продолжил я, дипломатично выделив это «если», – в начале и в конце плоскогорья. Вы увидите, там две небольшие поляны по левой стороне. В середине плоскогорья тоже можно найти место, пусть даже и на тропе. На начальном и заключительном подъёме остановиться негде. Воды нигде нет, если только не сможете натопить из снега.

– Спасибо, мы вроде бы всё это изучили по описаниям, – сказал Марк. – Но хорошо, что вы подтвердили. – А как дела с маркировкой?

– На первом подъёме на камнях должны быть сине-красные флажки, – ответил я. – Но, конечно, если выпадет снег, флажков вы, скорее всего, не увидите. Их старались наносить, где возможно, на контруклоны, но метель часто залепляет все поверхности. На плато смотрите на высокие останцы. Последний подъём по гребню, там потеряться трудно. У вас есть GPS?

Марк кивнул.

– Тогда советую сохранять точки время от времени. Как минимум, сможете по ним вернуться. При такой погоде видимость будет не очень.

Опять повисла пауза. Я разлил по кружкам остатки чая.

– Кстати, я и на двух тысячах никогда не была, – сказала вдруг Елизавета.

Они попросили две спальни, и я, разумеется, не стал им отказывать. Выдал постельное бельё, полотенца, халаты. Договорились, что к половине седьмого я приготовлю завтрак. Они пошли готовиться ко сну. Сначала я тоже собирался спать, но нога ныла нестерпимо. Принял обезболивающее. Потом устроился в гостиной у камина в одном из кресел с книгой в руках и стал ждать, пока подействует таблетка. Огонь ещё горел ярко. Было около одиннадцати вечера, когда все четверо скрылись в своих комнатах: Марк и Ксения в одной, а Павел и Лиза в другой. Все четверо пожелали мне спокойной ночи. На улице по-прежнему дул сильный ветер, периодически начинался дождь, переходящий то и дело в какую-то твёрдую крупу, неприятно барабанящую по стёклам. Боль всё не унималась. Глаза скользили по страницам, но я не мог вникнуть в содержание. Мысли постоянно возвращались к вечернему разговору. Если бы я верил в предчувствия, то сказал бы, что меня мучило предчувствие беды, и источником этой беды представлялась не столько погода, сколько очевидный конфликт, раздирающий эту маленькую группу. Природу конфликта я пока не мог разгадать. После короткого разговора за ужином от первого впечатления двух дружных пар не осталось и следа. Но разве люди, не ладящие друг с другом, собираются вместе в горы, пусть и ради одно-

дневного восхождения?

Неожиданно дверь одной из спален открылась, и на пороге показалась Ксения. Она была всё так же в белоснежном банном халате и, казалось, не ложилась. Осторожно притворив за собой дверь (я заметил, что в комнате за её спиной совершенно темно) и не говоря ни слова, Ксения уселась во второе кресло недалеко от меня. Она была босиком и вытянула ноги к камину, очевидно, чтобы согреться. Отблески огня в камине ложились на гладкую, чуть смуглую кожу. Наваждение было настолько сильным, что я не мог отвести взгляд. Боль и книга исчезли. Ксения смотрела на огонь. Так продолжалось, наверное, минуту или больше.

– Простите меня, – сказала она, по-прежнему глядя в камин.

– Не думаю, что вы должны извиняться.

– Я говорила с вами слишком резко, хоть вы и не заслужили.

– Я только хотел предупредить вас. Вы взрослые люди, и остальное – ваше дело. Хотя, честно говоря, я недолюбливаю спасателей. Они не снимают обувь и очень много едят.

Она впервые посмотрела на меня и улыбнулась.

– А вы не так просты, как кажется на первый взгляд.

– Вы думаете, те, кто так просты, могут почти безвылазно прожить тринадцать лет в этой глуши?

– Кем вы были раньше?

– Разве это важно?

– А что важно?

– Не знаю, думаю, важно, насколько хорошо вы экипированы и подготовлены. Допустим, вы лично – подготовлены. Но что насчёт ваших спутников?

Задавая этот вопрос, я только высказывал своё беспокойство, вовсе не собираясь влезать в их тайны.

– Павел – спортсмен.

– Ну, вы же понимаете, что это не имеет решающего значения.

Она подвинулась ближе ко мне и перешла на шёпот. Я ощутил лёгкий аромат её тела. Ветер не унимался – пожалуй, при таком шуме снаружи теперь нас точно не могли слышать в спальнях, даже если и не спали. А, может быть, это кровь шумела у меня в ушах?

– Не волнуйтесь, парни пойдут за мной куда угодно.

– Парни? – переспросил я, интонационно подчеркнув удивившее меня множественное число.

Контуры конфликта тревожно проступали в полумраке.

– Конечно, – она улыбнулась. – А вы как думали?

– Я ничего не думал, – сказал я, всё ещё не сводя с неё глаз. – Я впервые увидел вас три часа назад. У меня не было времени думать.

– Медленно думаете, – сказала она на сей раз совершенно беззлобно и опять замолчала.

Нас разделяло полметра искрящегося, перегретого пространства. В камине что-то трещало и обрушивалось.

– Ну, а что Лиза? – спросил я, овладев, наконец, собой. – Она подготовлена?

– Посмотрим, – ответила Ксения как-то слишком неопределённо.

Потом мы ещё несколько минут молчали, глядя на пламя. Очевидно, каждый думал о своём.

– А вы сами были на вершине? – спросила она вдруг.

– Двадцать три раза, – ответил я. – Точнее, двадцать два с половиной.

– С половиной?

– Да, с половиной, – нога болела всё нестерпимей, казалось, таблетка только усиливала боль.

– Это как?

– Говорю же, не люблю спасателей.

Она опять улыбнулась.

– И когда в последний раз?

– В крайний?

– В крайний.

– На днях будет восемь лет.

– На днях?

– Восемнадцатого октября.

Ксения будто бы что-то прикидывала в уме, а я уже безо всякого стыда любовался ею, ощущая странное превосходство. Вдруг она встала, повернулась ко мне, подтянула пояс халата...

– Мне пора спать, – сказала она. – Завтра трудный день,

надо выспаться. В любом случае простите меня ещё раз за резкость. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Я неотрывно смотрел ей вслед, пока она не растворилась в темноте спальни и дверь не закрылась за ней.

Кажется, в ту ночь я так и не смог заснуть. Будильник, поставленный на половину шестого утра, выдернул меня из какого-то полузабытья, в котором смешались боль, тревога, шум стихии и гипнотическое очарование моей собеседницы. К счастью, многолетняя привычка к раннему подъёму победила, не то я легко мог бы проспать. Спустился вниз (моя комната располагается на втором этаже), стараясь не шуметь, но гости уже не спали: из комнат слышался шум и голоса – очевидно, они собирали вещи. К половине седьмого завтрак, как и было условлено, стоял на столе. Ребята тоже появились минута в минуту. Казалось, от вчерашнего напряжения не осталось следа. Все они уже умылись и выглядели столь же весело и беззаботно, как и в первую минуту на пороге моего жилища.

– Светает около восьми, – сказал я. – Сегодня погода вроде потише.

– Мы выйдем в четверть восьмого, – ответил Марк.

Они быстро ели.

– Вам чай или кофе? – спросил я.

– Странно, что вы предлагаете кофе, хотя не предлагаете вино, – сказала Ксения. – Кофеин настолько же вреден перед восхождением, как и алкоголь.

– Вы предпочли бы апельсиновый сок? К сожалению,

у меня только из пакета. Апельсины нынче не завезли. Ещё есть минеральная вода.

– Да, это лучше.

Я открыл то и другое, кажется, они их смешали.

– Не забыли воду? – напомнил я, когда скромная трапеза подошла к концу.

– Сейчас наберём, – спохватился Марк. – Ребята, у каждого из вас по две двухлитровые бутылки, – обратился он к своим спутникам. – Наполните их, пожалуйста, целиком.

Ксения только пожала плечами. Было ясно, что она считает такой запас излишним, но спорить не стала. Они набрали восемь бутылок и уложили их в подвалы своих уже собранных рюкзаков, стоявших в гостиной. Потом вышли в прихожую и стали одеваться. Марк облачился в свой сине-оранжевый костюм, затем подал Ксении огненно-красную куртку. Павел надел куртку тёмно-зелёного цвета и подал Лизе её светло-голубую. Потом они стали шнуровать ботинки. Стараясь как-то унять нарастающее беспокойство, я отметил про себя, что в части одежды и обуви они экипированы как полагается. Шапки, перчатки, треккинговые палки, светозащитные маски, налобные фонари – всё было на месте. Осталось надеяться, что внутри рюкзаков у них не бесполезный хлам, а действительно необходимые тёплые спальники, палатки, горелки, посуда... Объём рюкзаков оставлял надежду, что всё нужное могло там поместиться. У Лизы рюкзак был чуть меньше остальных, и это тоже почему-то успокаивал.

вало.

– Фото на память? – спросил я.

– Отчего же нет, – согласился Марк.

– А разве это не дурная примета? – забеспокоилась Лиза.

– Ну, у нас же не полёт, – возразил Павел рассеянно, по-прежнему глядя куда-то вдаль. – И вообще, всё это – вздор.

Я притащил фотоаппарат, они выстроились в ряд, обняв друг друга за плечи. Часы над дверью в гостиную показывали пять минут восьмого. Я нажал на кнопку.

– Мы даже чуть раньше времени, – заметила Лиза. Было видно, что она волнуется больше других.

Потом они натянули перчатки и шапки, надели и включили фонари. Я открыл дверь. На улице было ещё совершенно темно, только справа на фоне горы небо, казалось, начало немного светлеть. Ветер будто бы слегка утих, дождь тоже прекратился, но звёзд не было видно. Они уже спустились с крыльца, когда Ксения вдруг обернулась.

– А с вершины вниз есть какой-то другой путь? – неожиданно спросила она.

Я успел заметить, что Марк посмотрел на неё с тревогой и удивлением.

– Теоретически там много тропинок, – ответил я. – В летнее время можно спуститься с плато прямо в посёлок. Есть пути и на восточный склон. Но все они более крутые и опасные, чем традиционный маршрут. В это время года я бы не советовал...

Она махнула рукой, давая понять, что продолжать мне не следует.

– В конце концов, если вы стремитесь избежать встречи со мной, то всегда можете просто пройти мимо. Хотя был бы признателен, если бы вы дали знать, что благополучно спустились вниз.

– Я не это имела в виду, не обижайтесь.

– Меня не так легко обидеть. В добрый час.

Нестройный хор ответил мне. Ещё несколько минут, стоя на пороге и постепенно замерзая, я наблюдал, как их яркие фигуры растворяются в темноте. Вскоре пятна фонариков заплясали на первых камнях подъёма. Убедившись, что более ничем не могу им помочь, я вернулся в дом.

Первым делом я постарался уничтожить следы их присутствия. Вид грязных тарелок, хлебных крошек, стаканов с остатками сока и минералки причинял почти физическую боль. Казалось, я могу разглядеть отпечатки пальцев и следы помады на стаканах девушек. Никакого рационального объяснения моему беспокойству не было, с ними определённо ничего ещё не случилось, но мне казалось, что я роюсь в вещах покойников. Тяжёлое чувство надвигающейся беды не рассеялось и после того, как кухня была практически стерилизована, все поверхности протёрты, а посуда дважды перемыта. Чтобы окончательно замести следы, я ещё пропылесосил пол, стараясь собрать невидимые волоски и частички их кожи. Я понимал, что мной овладело какое-то непонятное помешательство, но ничего не мог с собой поделать. Потом, преодолевая внутренний ужас, я прокрался в спальню.

Начал с комнаты Павла и Лизы. Они спали на первых ярусах двух разных кроватей. Я собрал всё постельное бельё, халаты, полотенца и затолкал в стиральную машину. Потом зашёл в спальню Марка и Ксении. Они спали друг над другом, и по длинным волосам, оставленным на подушке, можно было легко догадаться, кто спал наверху. Дрожащими руками я принялся стаскивать пододеяльник, всё ещё ощущая её присутствие так, будто она стояла за дверью. Когда принял-

ся за наволочку, под подушкой внезапно обнаружился обрывок ярко-красной материи. Помню, что уставился на него, как смотрит убийца на кровавое пятно, понимая, что теперь невозможно избавиться от улики и что на сей раз всё пропало. По-видимому, это была часть её ночной рубашки, что-то гладкое, изысканное, похожее на атлас, впрочем, я не слишком разбираюсь в тканях. Материя в полной мере сохранила её запах. Но как это понимать? Если бы она просто была под подушкой свою ночную рубашку, это могла быть случайность. Но что означает этот фрагмент? Кто и зачем оторвал его? С какой целью оставил мне? Рассудок мутился. Я спрятал лоскут в карман домашних брюк и поспешил продолжить уборку. Через какое-то время всё, что возможно, было отправлено в стирку, волосы собраны, а обе спальни проветрены и пропылесосены. Это принесло облегчение, но красный лоскут торчал из кармана, подобно роковой уликке. Я зачем-то убрал его в шкаф в гостиной, подальше с глаз, но и оттуда он будто бы продолжал кричать о себе.

Тем временем рассвело. Я высунулся наружу, чтобы взглянуть на склон, в надежде увидеть их на подъёме, но склона не было: почти от самого подножья гору укрыли густые облака. Сверху опять посыпалось – то ли ещё дождь, то ли уже снег. Лужи перед крыльцом подёрнулись тонкой коркой льда – очевидно, температура колебалась около нуля. Ветер вновь усиливался. Я с ожесточением захлопнул дверь. Потянулись мучительные часы ожидания. Разумеется,

не в первый, а, может, и не в тысячный раз я провожал людей на маршрут. Естественно, не впервые это случалось ранней весной или поздней осенью, не в первый раз сопровождалось плохой погодой, когда мне казалось, что лучше остаться внизу. Нередко группы выглядели недостаточно подготовленными к восхождению и слишком легкомысленными, хотя и для них обычно всё заканчивалось благополучно. Далеко не впервые я испытывал симпатию к моим гостям, хотя и стремился не привязываться к ним чрезмерно, учитывая заведомо мимолётный характер нашей встречи. Конечно, все они нравились мне: молодые, смешливые, сильные, в своих новых, ярких, хорошо подогнанных костюмах, купленных в модных спортивных магазинах. Я понимал, что, как вампир, в каком-то смысле живу за счёт их молодости, яркости и смеха, впрочем, не слишком обкрадывая каждого. Да, временами случались разные происшествия, несколько раз люди пропадали и даже гибли, и спасатели действительно вытапывали весь дом и съедали все припасы, хотя, вопреки сказанному Ксении, я нисколько не переживал по такому поводу, стараясь во всём поддерживать этих отважных и бескорыстных людей.

Но никогда за двадцать лет знакомства с горой и за тринадцать лет постоянного проживания на кордоне я не чувствовал столь сильного беспокойства, чувства неизбежного несчастья, и вместе с тем столь прочной, неразрывной связи с ними (или только с ней?), будто бы это я сам впервые

за столько лет, не взирая на холод и снег, карабкаюсь к вершине.

Хуже всего было то, что мою тревогу не с кем было разделить. Конечно, в посёлке у меня было несколько знакомых, хотя бы тот же Степаныч, но ни телефонный разговор, ни чат не могли бы меня успокоить. Оставлять же дом я теперь не мог, ведь они могли вернуться в любой момент. Разумеется, я нисколько не верил, что они за один день смогут добраться до вершины и спуститься обратно. Но что если плато завалило настолько, что путь дальше делается невозможным, и они вернутся раньше времени? Вызывать же знакомых сюда, наверх, казалось каким-то ребячеством. Разве что наврать фельдшеру, будто я совсем не могу ходить, и заставить его ехать ко мне? Но вдруг в посёлке кому-то потребуются настоящая помощь? Не слишком ли эгоистично оторвать его от работы из-за моих причуд?

В довершение ко всему погода ухудшалась: ветер выл всё сильнее, пошёл настоящий снег, крупные пушистые хлопья укрывали землю, казалось, уже смирившуюся с неизбежным. Какое-то время тепла земли ещё хватало, чтобы обращать их в воду, но вскоре оно иссякло. К началу сумерек всё пространство вокруг дома оказалось застелено плотным снежным одеялом. Перед наступлением темноты немного развиднелось, так что можно было разглядеть, что склон тоже изрядно побелел. После пяти стало темнеть. Ожидание сделалось невыносимым. Читать не получалось. Я до-

стал из шкафа красный лоскут, то прижимал его к лицу – он надёжно хранил запах, – то неотрывно смотрел на него. Но от этого становилось только хуже. Когда окончательно стемнело и стало ясно, что сегодня они не вернуться, я кинулся в гараж, вывел оттуда свой заслуженный внедорожник и поспешил вниз, к людям. Проехав пару сотен метров, вдруг понял, что надо оставить им хоть какое-то послание. Сдал назад. Вернулся в дом, нацарапал на клочке бумаги записку, что уехал в посёлок и вернусь вечером, что дом полностью в их распоряжении. Положил посреди прихожей, прижал каким-то ботинком. Дверь прикрыл, не запирая на замок. И, наконец, помчался вниз.

Как только из приёмника донеслись звуки радио, я слегка успокоился. Далёкий голос незнакомого ведущего казался голосом давнего друга, говорящего лично со мной. Потом запели что-то о любви, и это оказалось ещё лучше. Конечно, в доме был телевизор, да и интернет тоже, но я стремился вырваться из порочного круга этого беспомощного ожидания, бесполезного взглядывания в темноту. На въезде в посёлок, где сотовая связь уже работала, позвонил Степанычу. Снега тут ещё не было, и Степаныч мог быть свободен, чтобы посидеть со мной в одном из кафе. К счастью, он легко согласился, и уже через четверть часа мы сидели за столиком. Кафе пустовало, так что ужин и чай нам принесли быстро. От алкоголя оба отказались – мне предстояло возвращаться на машине наверх, а Степаныч ждал вызова в ночную смену.

– Нам объявили штормовое, – сказал он. – Идёт циклон, обещают до двадцати сантиметров снега в ближайшие сутки. Придётся разгрести. Как-то рано в этом году.

Я нехорошо выругался.

– Ты чего? – удивился он. – Ну, засыплет тебя, в первый раз что ли? Разгрёбём как-нибудь. Продукты я тебе недавно привёз, протянешь.

– У меня группа на маршруте, – сознался я, как будто лично снарядил их в горы.

– Чего?! – густые брови Степаныча взлетели вверх. – Они что, прогноз не смотрят? Интернетом пользоваться не умеют? Предупреждений не читают?

– Не знаю, Саша, что они там читают, – честно сказал я, – но сегодня утром они ушли наверх.

Он о чём-то задумался.

– А почему ты здесь? – спросил он с каким-то недоверием, словно подозревал меня во вранье. – Почему не ждёшь их там?

– Я ждал до темноты. Вряд ли они спустятся среди ночи.

– Ну, почему... Поднимутся на плато, поймут, что дело швах...

– Нет, Саша. Они пойдут до конца.

– Это ещё почему?

– Не могу объяснить.

– Николай Михалыч, ты мне сегодня не нравишься. – Степаныч хотя и был на десять лет старше, всегда звал меня по имени-отчеству. – Свалился вот, как снег на голову, теперь говоришь загадками... Объясняй давай по порядку.

– Девчонка у них там упорная... – неопределённо начал я.

– Ааа, – протянул он, – понимаю...

– Ни черта ты не понимаешь!

– Ну, так объясни нормально! – я не мог понять, то ли он изображает злость, то ли вправду злится. Степаныч был мужик простоватый, но добрый и злился редко. – А то давай, дуй в МЧС. Мои полномочия заканчиваются на твоей поля-

не. Дальше при всём желании...

– Я знаю.

– Так в чём дело? В МЧС тебя знают и любят. Ты у них как внештатный сотрудник...

– Ну, с ребятами вроде бы ничего не случилось пока.

– Будешь ждать, пока случится?

– Они сказали, что максимум три дня...

– Через три дня в такой холод спастись уже может быть некого.

– У них палатки, еда, вода, топливо. Они вроде подготовились.

– Если подготовились, то чего переживаешь?

Я понимал, что веду себя непоследовательно, но ничего не мог с собой поделаться. Мы немного помолчали.

– Связи у них нет, конечно? – спросил Степаныч после паузы.

– Нет.

– А говоришь, подготовились. Кто же так готовится! Снять их, и всё тут, – он рубанул по столу ребром ладони, посуда на столе жалобно звякнула. – Не хватает нам ещё трупов под конец сезона!

– Как их снимешь? Вертолёт не полетит по такой погоде.

– Ну, это уже не нашего ума дело. Полетит или не полетит – это не нам решать. Наше дело – сообщить.

– Подождём, Саша, – неуверенно сказал я.

– Ну, подождём так подождём. Тебе виднее. Я их не знаю.

Иные и в январе ходят, и ничего, возвращаются.

Снова повисла пауза. Мы доели ужин.

– Не знаешь, кто нынче за фельдшера? – спросил я, наконец.

– Тебе зачем? – Степаныч, кажется, всё ещё злился.

– Нога опять разболелась.

– Надежда Семёновна вчера была. Сегодня не знаю. Может, опять она. Не пойму, какой у них график.

– Опять обезболивающее пропишет.

– А ты что хотел бы?

– Не знаю, только уже не помогает.

– Тебе бы обследоваться, – Степаныч, наконец, помягчел. – Может,росло там у тебя что. С тех пор, как Таня тебя бросила, ты совсем за собой не следишь.

Таня – моя бывшая жена. Тринадцать лет назад мы вместе с ней поселились на кордоне. Около восьми лет назад, вскоре после того происшествия на вершине, она вернулась жить в город. А я остался.

– Надо. Вот, сезон закроем...

– Ты так каждый год говоришь. Только у тебя сначала сезон, а потом не выбраться. Потом раскопаешь тебя, а ты ещё что-нибудь придумаешь. В том году прибудившихся зайцев кормил. И как тебя заставишь?

Я не ответил, но почувствовал, что от этого разговора всё же сделалось легче. Даже нога как будто болела меньше. Теперь, пожалуй, я смогу заснуть.

– Спасибо, Степаныч, – сказал я искренне. – Ты мне очень помог.

– Да чем?! – он всё не мог успокоиться.

Мы расплатились, каждый за себя. Вышли, он проводил меня до машины. Городок сонно и уютно моргал вечерними огнями.

– Сегодня четырнадцатое, – сказал я серьёзно. – Если до вечера шестнадцатого они не объявятся, вызову МЧС.

– Хорошо. Только не дури.

– Не буду, – пообещал я, садясь в машину.

Обратно я ехал почему-то в приподнятом настроении, хотя явных причин для этого не было. Снег усиливался, ветер не утихал, ближе к кордону дорогу уже изрядно занесло, но старенький внедорожник пока справлялся. «Может быть, всё это наваждение, бред, – думал я. – И Ксения ни при чём, и нет никакой связи. Может быть, мне просто не хватает общения, обыкновенного человеческого тепла? Шутка ли – тринадцать лет на высылках, среди бесчисленного множества случайных, мимолётных знакомств? И восемь из этих тринадцати – в одиночестве. А как же привязанность? Какое-никакое постоянство? Продать к чертям дом, вернуться в город, найти себе новую семью, раз с прежней не вышло? А здесь – пусть живёт кто-нибудь помоложе. Живая легенда, видите ли!» Радио продолжало петь что-то о любви, впрочем, по мере удаления от посёлка сигнал ослабевал, перемежаясь хрипами и свистом. Наконец, показалась поляна.

Загнав машину в гараж, я поднялся на крыльцо. Крошечная надежда, что они вернулись, растаяла: дом был пуст, а записка лежала нетронутой там, где я её и оставил. Умывшись, я переоделся в пижаму, потом достал из шкафа всё тот же красный лоскуток и на несколько секунд прижал к лицу, подобно кислородной маске. Затем убрал его на место и отправился спать.

Следующие два дня пролетели как в тумане – в нарастающей тревоге и беспомощном ожидании. Пятнадцатого погода была сносной, осадки на время прекратились, и даже склон иногда открывался, но на нём по-прежнему не было видно никаких признаков жизни. Зато шестнадцатого октября стихия, словно набравшись сил, заново обрушилась на нашу бедную местность. Пожалуй, в октябре никогда на моей памяти не бывало таких снегопадов. Снежный покров рос стремительно, так же стремительно росло и моё беспокойство. Проехать в посёлок стало, по всей видимости, уже невозможно. Днём Степаныч написал, что весь посёлок замело, так что сегодня он вряд ли успеет до меня добраться, но чтобы я не отчаивался и держал его в курсе насчёт ребят. При таком снегопаде было невозможно понять, когда начались сумерки. С каждой минутой сугробы росли, а надежда таяла. Наконец, я дал себе слово, что в шесть вечера, если ребята не появятся, сообщу в МЧС. Но без двадцати шесть внезапно вырубился свет, а вместе с ним не стало телефона и интернета. Кратковременные отключения случались время от времени, поэтому вначале я надеялся, что это сбой на подстанции и электричество скоро дадут. Но время шло, и становилось похоже, что повредился кабель. На всём восьмикилометровом участке до посёлка электрический кабель,

как и интернет, висели на столбах. Вероятно, какое-то дерево не выдержало снежной массы и рухнуло, разорвав тонкую нить, соединяющую меня с миром. Проблему с электричеством решить было несложно: в гараже для таких случаев был припасён дизель-генератор, а с ним и запас топлива на несколько дней. Но вот проблему связи это решить никак не помогало. Мой дом был подобен крепости, приготовленной к осаде, в нём всего было в достатке. Но как быть с ними, застрявшими на высоте?

Когда дизель затарахтел и свет загорелся вновь, я прошёл в гостиную, растопил камин, уселся в любимое кресло и стал просчитывать варианты. Голос разума требовал ждать, но ждать было невыносимо. Можно было попытаться пробиться в посёлок – скорее, пешком, чем на машине. Но это тоже требовало сил и, главное, времени, а начать можно было не раньше рассвета. К тому же в лесу снега всегда гораздо больше, поскольку деревья задерживают его, тогда как с безлесного склона снег просто сдувает. К восьми вечера у меня будто бы созрел план. Я твёрдо решил утром, если связь не появится, самостоятельно подняться на плато. Это первое решение далось легко – после стольких часов бесплодного вглядывания в темноту любая возможность делать хоть что-нибудь казалась благом. В конце концов, я знал эту гору лучше других, хотя и мог забыть некоторые детали. Нога почти прошла, и я счёл это добрым предзнаменованием. Очевидно, требовалось собрать вещи. С одеждой, обувью и аптечкой я

справился без труда. Но, когда дело дошло до снаряжения, я вдруг понял, что никакого конкретного плана у меня нет.

Брать ли спальник, палатку? Еду, топливо, посуду? На что в точности я рассчитываю? Может быть, с ними всё в порядке, и они попросту ожидают на плоскогорье улучшения погоды. В таком случае я легко найду их и, может быть, благодаря хорошему знанию ориентиров, помогу спуститься вниз. Но если они сошли с тропы раньше, чем осознали это? Тогда мы легко можем разминуться. Допустим, а это вполне вероятно, в течение первой половины светового дня я не найду никаких следов. Что тогда? Возвращаться? Ночевать одному на плоскогорье? А если они по каким-то причинам разделились? С учётом всего, что я знал, представить это было нетрудно. Или кто-то пострадал? Вариантов было бесчисленное множество. Может быть, лучше всё же дожждаться связи со спасателями? Но через сколько она появится? Допустим, в течение двух-трёх дней кабель восстановят, если метель утихнет и до повреждения удастся добраться. А если нет? Да и через два-три дня не будет ли слишком поздно? Наконец, помогут ли спасатели? При такой облачности их самое эффективное средство – вертолёт – всё равно приковано к земле. Я понял, что всё рассчитать не получится, придётся действовать по обстановке.

После некоторых раздумий я выбрал промежуточный вариант, показавшийся мне оптимальным. В рюкзак полезли коврик, спальник, запас готовой еды и минеральной воды

на два дня, а также термос с горячим чаем. Палатка, горелка и топливо остались дома. Я решил, что если до середины светового дня не найду никаких следов группы, то вернусь домой и буду ждать связи со спасателями. Если же я найду кого-то или сразу всех, то, вероятно, возможность воспользоваться палаткой и горелкой у меня будет. Свой план я изложил в новой записке, которую разместил в прихожей, прижав тем же ботинком. Записка предназначалась, очевидно, Степаньчу, поскольку я предполагал, что именно он первым раскопает дорогу к кордону. Затем я отправился спать, привычно поставив будильник на половину шестого утра. Уже в кровати вспомнил о куске красной материи. Спустился вниз, достал лоскуток из шкафа и спрятал его в карман рюкзака, где уже лежали складной нож и навигатор. Возможность действовать придала мне сил. В тот вечер я заснул очень быстро и проспал до самого утра без тревог и сновидений.

Ни света, ни связи к утру не появилось. Быстро позавтракав, я извлёк из шкафа пару кошек, налобный фонарь, альпинистские очки и треккинговые палки. Сходил в гараж, чтобы заглушить дизель. Дом погрузился во тьму. Я включил фонарик и вытащил рюкзак на улицу. Снаружи было ещё совершенно темно и очень тихо. Кругом лежал снег, но метель прекратилась. Я уселся на крыльцо, чтобы приладить кошки. Когда с этим было покончено, я ещё раз проверил, что записка лежит на своём месте, затем притворил дверь, опять не закрывая её на ключ. В последний раз остановился, мысленно перебирая содержимое рюкзака. Посмотрел на часы – как и в день выхода ребят на маршрут, было около семи – и решительно шагнул с крыльца.

Первый час подъёма дался неожиданно легко. Пожалуй, больше всего я сомневался в возможностях своего тела после стольких лет неподвижности. Я знал, что набрал за эти годы несколько килограммов лишнего веса, да и от прежней мышечной силы не осталось следа. Я шёл, не торопясь, стараясь не сбивать дыхание. Снег, прижатый к камням сильным ветром, лежал довольно плотно, и зубья хорошо цеплялись за его непрочную структуру. Местами встречались глубокие пережёты, но их было мало, и они почти не отнимали сил. Понемногу рассвело. Скоро я выключил фонарик, поскольку

ку он стал бесполезен, и надел очки. Кордон пропал из виду, его уже заволокло низкими облаками. Кругом был только склон, снег и водяной пар, но я понял, что по-прежнему помню наизусть каждый поворот. Кое-где из-под снега ещё торчали сине-красные флажки, но краска заметно выцвела. «Надо будет летом обновить маркировку», – подумал я.

Через час сделал небольшую остановку, чтобы выпить немного воды. Ветер дул умеренно, чуть покачивая короткие и кривые ветви карликовой берёзы, которая росла тут небольшими чёрными островками. Тропа огибала эти островки. Подъём пошёл круче, и я сильнее налёг на палки. Тело пока справлялось, хоть я и чувствовал, что спина уже взмокла, а больная нога снова начинает неприятно ныть. Прошло ещё минут сорок прежде, чем мне показалось, что я слышу какой-то посторонний звук. Я остановился, выждал около минуты, но звук не повторился. Пошёл дальше. Через несколько минут звук послышался снова. Это напоминало громкий, одиночный крик. Я крикнул в ответ. Похоже, меня услышали, поскольку крик повторился. Звук доносился сверху, впрочем, из-за ветра определить точное направление было невозможно. Я продолжал забираться выше, то и дело проверяя, что эта странная связь не прервалась. Наконец, из тумана показалось яркое голубое пятно. Лиза – а это была она – стояла несколько в стороне от тропы лицом вниз по склону, тоже, как и я, опираясь на палки. Из-за тёмной маски, закрывавшей её глаза, я не мог толком разглядеть ли-

ца, но, когда приблизился, она бросилась мне на шею и беззвучно зарыдала.

Пока она рыдала и не могла говорить, я пытался оценить то, что увидел. Некоторые обстоятельства меня успокоили. Например, у неё, как и у меня, на ботинках были кошки – значит, они всё же готовились к движению по снегу. Кроме того, она определённо выглядела живой и – во всяком случае, внешне – невредимой. С другой стороны, она была совершенно одна, сильно напугана и, как я быстро сообразил, без рюкзака. Высвободившись и стащив свой груз со спины, я вынул термос и налил в крышку немного горячего чая. Протянул ей. Она взяла, помедлила, стараясь успокоиться, затем сделала несколько глотков и снова застыла. Я опять обнял её.

– Лиза, – сказал я, толком не понимая, что говорить. – Вы должны успокоиться и всё мне рассказать.

Она закивала. Мы уселись на мой рюкзак. Всё ещё держа в руках крышку с дымящимся чаем, она заговорила.

Рассказ получился сбивчивым. Из него я понял, что вначале всё шло нормально, но продвигались они очень медленно, так что к вечеру первого дня едва дошли до середины плоскогорья. Плато оказалось засыпано снегом, ветер дул в лицо, идти было трудно. Ксения рвалась вперёд, но остальные за ней не успевали. Ксюша, очевидно, внутренне злилась, но держала себя в руках. Утром пятнадцатого, когда в долине стояла относительно спокойная погода, на плато

разыгралась сильная метель. Они даже не могли толком вылезти из палаток. Весь день прошёл в бездействии и нарастающем напряжении, поскольку все понимали, что запасы еды и топлива невелики. Пока стояли на месте, еду старались экономить.

– Вы не думали вернуться? – задал я вопрос, который, очевидно, витал в воздухе.

– Я несколько раз спрашивала Пашу, когда мы были с ним вдвоём. Но он ответил примерно в том смысле, что настоящие спортсмены так себя не ведут.

– А Марк?

– Марк всё время колебался. С одной стороны, ему явно хотелось вниз. Но сказать об этом он не мог.

– Это из-за Ксении?

– Да, конечно. Она бы никогда не одобрила, просто посмеялась бы над ним. Он не мог на такое пойти.

– Ну, а дальше?

– А дальше настало утро шестнадцатого, и Ксюша исчезла.

– Как исчезла?

– Похоже, ещё до рассвета она собрала вещи и ушла к вершине. Мы поняли это по следам.

– Без палатки?

– Да. С рюкзаком, но без палатки. У нас было две палатки – в одной мы с Пашей, а они в другой. Марк проснулся один. Спальника, коврика, рюкзака нет. И следы наверх.

– Почему вы не пошли за ней?

– Опять была плохая погода. Кроме того, Марк настолько растерялся, что не знал, как поступить. А потом парни поругались.

– Поругались?

– Да, время шло, Паша требовал идти к вершине, Марк медлил.

– Паша требовал? Логично было бы наоборот.

– Возможно, но было то, что было.

– А потом?

– Потом они велели мне идти вниз за помощью.

– Одной?

– Ну, одной, как видите, – Лиза развела руками.

– Как это понимать?

– Я не знаю. Я плакала, говорила, что могу потеряться, просила Пашу пойти со мной. Но он прикрикнул на меня – как наотмашь ударил, типа поди прочь, тупая баба. Не так буквально, конечно, но по смыслу похоже. И я пошла. Взяла свой рюкзак, запихала туда одну палатку и пошла.

– А они что?

– Они собирались наверх. Но постоянно спорили. Дальше я не знаю.

Я налил Лизе ещё чаю, она поблагодарила. Из последней части рассказа я узнал, как она, временами теряя след и маркировку, добралась в сумерках до нижнего края плато и поняла, что сил и времени на спуск до темноты у неё не хватит.

– Я кое-как разгрэбла снег и поставила палатку. Я же ни-

когда раньше этого не делала. Было темно, холодно и страшно. В какой-то момент думала, умру. Потом разозлилась: какого чёрта? Влезла в спальник, согрелась, даже поспала немного. Когда рассвело, бросила там вещи и стала спускаться, но заблудилась.

– Ну, почти не заблудилась. Тут до тропы метров пятьдесят, не больше.

Мы немного помолчали.

– Хорошо, Лиза, теперь нам надо решить, что делать дальше.

– Нам решить? – в её голосе звучало удивление. – Я думала, вы всё решите.

– Ну, я не могу решить за вас.

– Вы говорите во множественном числе? Или зовёте меня на «вы»?

– Зову на «вы», разве это странно?

– Странно. Можете перестать?

– Если взаимно, то можно попробовать.

– Я, пожалуй, не справлюсь.

– Это потому, что я живая легенда?

– Ну да, вроде того.

– А ты попробуй. Пока легенда ещё жива, всё возможно.

Она впервые посмотрела прямо на меня и едва заметно улыбнулась. Светлые волосы выбивались из-под капюшона. «Нежная, тонкая девочка, – подумал я тогда, – как эти сволочи втянули тебя в такую передрагу?»

Я коротко пересказал ей историю со вчерашней аварией.

– Думаю, что уже завтра нас начнут искать, – сказал я. – Если погода позволит, они поднимут вертолёт. Если нет, пойдут пешком. Учитывая прогноз, шансы на вертолёт, по моему, невелики. Их много, у них снаряжение, связь, но мы минимум на сутки ближе к вершине. В общем, у нас есть две возможности. Первая – спуститься к кордону и ждать спасения. Здесь спускаться не больше двух часов. Вторая – подняться на плато и попытаться найти твоих товарищей.

Трудно ответить, чего хотел я сам в ту минуту. С одной стороны, я рвался наверх. С другой стороны, мне меньше всего хотелось рисковать той, которая уж точно ни в чём не была виновата.

Лиза размышляла всего несколько секунд, потом встала.

– Конечно, мы пойдём наверх.

10

До плато дошли примерно за час. Здесь подъём стал более пологим, идти было легче, но видимость не улучшалась.

– Где-то здесь должна быть, – Лиза беспокоилась, точно хозяйка, которая не может найти что-то у себя в доме.

– Чуть дальше, если ты встала на поляне.

– Да кто же поймёт, где тут ваша поляна! – сказала она с досадой. – Пометили бы её флажком, а не этой краской, которая всюду стёрлась!

Мы прошли ещё чуть-чуть и, наконец, из тумана вынырнула фиолетовая палатка.

– Ура! – воскликнула Лиза и бросилась собирать вещи так быстро, словно позади не было утомительного подъёма. Я помог ей отряхнуть палатку от снега и убрать в чехол.

– Палатку понесу я, – сказал я, отстёгивая крышку рюкзака.

– Не буду возражать, – улыбнулась она. – Честно говоря, с палаткой немного тяжеловато.

Вскоре мы собрались. На снегу осталось ровное примятое место. Пока погода держалась, хотя видимость по-прежнему оставалась низкой. Лиза совсем оттаяла и, казалось, даже немного подпрыгивала при ходьбе, хотя ноги регулярно проваливались в снег. Я удивлялся её настроению, впереди нас ждала мрачная неизвестность. Да и идти было трудновато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.